

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-6.4>

Изюмова Лариса Владимировна

ОПЛАТА ТРУДА В КОЛХОЗАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ В 1930-1960-Е ГОДЫ

В данной статье анализируются основные изменения в системе оплаты труда в колхозах Европейского Севера России в 1930-1960-е гг. Источниковую базу исследования составили законодательные акты, делопроизводственные документы Министерства сельского хозяйства РСФСР и областных земельных органов, материалы годовых отчетов колхозов. Показано, что система оплаты труда постепенно эволюционировала от уравнительного распределения к оплате в зависимости от профессии и квалификации члена колхоза, от негарантированной оплаты труда к гарантированному ежемесячному заработку колхозника.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2018/6/4.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2018. № 6(92) С. 18-22. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2018/6/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

10. **Овсянникова М., Грингуз Э.** Женщина в стахановском движении. М.: Госсocэкгиз, 1936. 90 с.
11. **Румянцева М. Ф.** Новая локальная история в проблемных полях современного гуманитарного знания // Междисциплинарные подходы к изучению прошлого: до и после «постмодерна»: материалы научной конференции / отв. ред. Л. П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2005. С. 130-132.
12. **Рыженко В. Г., Назимова В. Ш., Алисов Д. А.** Пространство советского города (1920-1950-е гг.): теоретические представления, региональные социокультурные и историко-культурологические характеристики (на материалах Западной Сибири) / отв. ред. В. Г. Рыженко. Омск: Наука, 2004. 292 с.
13. **Рябцева И. А.** Женщины Западной Сибири 1920-1930-х годов: демографические и социальные проблемы: автореф. дисс. ... к.и.н. Новосибирск, 1996. 25 с.
14. **Серебrenников Г. Н.** Женский труд в СССР. М. – Л.: Соцэкгиз, 1935. 240 с.
15. **Стенограмма пленума горсовета и стенограмма первой культурно-бытовой конференции (1934)** // Новокузнецкий филиал Государственного архива Кемеровской области. Ф. Р-1. Оп. 1.
16. **Фойгт Л. И.** Женщины Кузнецкстроя. Воспоминания. Документы. Фотографии / под общ. ред. Ю. В. Ширина. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1998. 76 с.
17. **Чеканцева З. А.** Антропологическая история как междисциплинарное исследовательское поле: возможности и пределы // Новый образ исторической науки в век глобализации и информатизации: сборник статей / под ред. Л. П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2005. С. 102-112.
18. **Чирков П. М.** Решение женского вопроса в СССР (1917-1937 гг.). М.: Мысль, 1978. 257 с.
19. **Шабатура Е. А.** Образ «новой женщины» в советской культуре 1917-1929 гг.: автореф. дисс. ... к.и.н. Омск, 2006. 25 с.
20. **Юкина И. И.** Российская историография: создание «ее» истории // Женщины и мужчины в контексте исторических перемен: материалы Пятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН (г. Тверь, 4-7 октября 2012 г.): в 2-х т. М.: ИЭА РАН, 2012. Т. 1. С. 28-30.

WOMEN'S MOVEMENT IN THE MEMORIES OF KUZNETSK METALLURGICAL WORKS BUILDERS THROUGH THE LENSES OF LOCAL APPROACH AND GENDER HISTORY

Gersh Kseniya Vadimovna, Ph. D. in History
Zavodskaya Irina Nikolaevna, Ph. D. in History, Associate Professor
Novokuznetsk Institute (Branch) of Kemerovo State University
bambizova@mail.ru; zavodsk65@mail.ru

The article analyzes women's movement from the viewpoint of gender stereotypes of traditional and industrial society. Basing on the memories of women – Kuznetsk Metallurgical Works builders, the paper reveals the features of gender approach and local history, the possibilities of their use while studying women's movement. Special attention is paid to the movement of housewives and the wives of the engineering and technical staff from Kuznetsk Metallurgical Works builders, which is an important research object when studying stereotypic behaviour. The authors conclude that, in spite of women's active participation in social movement, stereotypes of traditional society continued to exist within the framework of the urban community that was being formed.

Key words and phrases: Kuznetsk Metallurgical Works construction; movement of engineering and technical staff members' wives; housewives' movement; local history; gender history.

УДК 94(47).084

Дата поступления рукописи: 01.05.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-6.4>

В данной статье анализируются основные изменения в системе оплаты труда в колхозах Европейского Севера России в 1930-1960-е гг. Источниковую базу исследования составили законодательные акты, делопроизводственные документы Министерства сельского хозяйства РСФСР и областных земельных органов, материалы годовых отчетов колхозов. Показано, что система оплаты труда постепенно эволюционировала от уравнительного распределения к оплате в зависимости от профессии и квалификации члена колхоза, от негарантированной оплаты труда к гарантированному ежемесячному заработку колхозника.

Ключевые слова и фразы: колхоз; колхозное производство; колхозное крестьянство; трудодень; оплата труда; заработная плата.

Изьмова Лариса Владимировна, к.и.н., доцент
Вологодский государственный университет
ilvvlogda05@rambler.ru

ОПЛАТА ТРУДА В КОЛХОЗАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ В 1930-1960-Е ГОДЫ

В процессе развития колхозного строя в 1930-1960-е гг. вносились серьезные коррективы в оплату труда колхозников. Цель статьи – проследить эволюцию в оплате труда в колхозах Европейского Севера России в 1930-1960-е гг. Изучение данного вопроса позволяет лучше понять политику государства в отношении

колхозного крестьянства, осветить некоторые аспекты социальной трансформации колхозной деревни, самоидентификации колхозника, формирования у него специфических интересов и потребностей.

В начале 1930-х гг. в колхозах активно внедрялась система индивидуальной сдельщины: оценкой работы становится трудодень. Распределение доходов колхоза производилось в зависимости от количества выработанных трудодней, но по остаточному принципу. Статья 11 Примерного устава сельхозартели 1935 г. определила строгий порядок распределения полученного колхозом урожая: первоочередное выполнение всех обязательств перед государством по поставкам и натуральным ссудам, оплата натурой за работы машинно-тракторных станций по договорам, создание семенного, фуражного и других фондов, выделение части продуктов для продажи государству сверх плана или на рынок, выдача оставшейся части продукции в форме натуральной оплаты по трудодню [8, с. 430-431]. В той же последовательности (государственные налоги и страховые платежи, расходы на текущие производственные нужды, административно-хозяйственные расходы, пополнение неделимых фондов, оплата по трудодню) распределялась колхозами и денежная часть дохода. Установленный порядок распределения денежных и натуральных доходов колхоза абсолютно не гарантировал даже минимум оплаты за колхозный труд. В конечном итоге уровень оплаты труда в разных колхозах не был одинаков, так как зависел от величины собранного урожая, экономического состояния колхоза, обеспеченности каждого хозяйства средствами производства, трудовыми ресурсами, себестоимости произведенной продукции и т.п.

Властные органы заявляли, что добросовестный труд в колхозе является залогом зажиточности колхозной семьи. Однако на протяжении 1930-1950-х гг. основным источником существования колхозной семьи являлось личное приусадебное хозяйство. Несмотря на то, что большую часть своего рабочего времени колхозник отдавал колхозной работе, размер натуральной и денежной оплаты труда в колхозах не обеспечивал необходимого уровня жизни, в том числе в потреблении многих продуктов питания, особенно продукции животноводства [2, с. 139]. Неслучайно современники фиксировали двойные стандарты в поведении колхозников: часто безразличное, равнодушное отношение к колхозным работам и имуществу и бережливое отношение к личному приусадебному хозяйству. Приведем в качестве примера выдержку из письма в Министерство сельского хозяйства РСФСР (1955 г.). Автор пишет: «...если бы отношение к общественному труду резко изменилось, и было бы равно на первых порах хотя бы тому, как колхозник ухаживает за посевами на своей усадьбе, или ухаживает за своим личным скотом – тогда разговоры об отстающих колхозах отпали бы сами собой...» [5, д. 6527, л. 200-201].

На практике принцип индивидуальной сдельщины прививался довольно сложно: в первой половине 1930-х гг. в колхозах частично сохранялось распределение хлеба не по числу выработанных трудодней, а по числу едоков в семье. «Уравнительные настроения» при распределении натуральных и денежных доходов колхоза между его членами наблюдались и в последующие годы. Во многом сохранение уравнительности при распределении следует объяснять не только низким жизненным уровнем колхозников, но и несовершенством системы ведения учета труда должностными лицами (бригадирами, звеньевыми, заведующими животноводческими фермами, счетоводами), их низким образовательным уровнем и недостаточной культурой труда, злоупотреблениями со стороны колхозной администрации.

К концу 1930-х гг. для властных структур стала очевидной низкая материальная заинтересованность колхозников в развитии колхозного производства. Неслучайно после выхода Постановления ЦК ВКП(б) от 27 мая 1939 г. «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» последовало усиление внеэкономических методов воздействия по отношению к «нерадивым колхозникам» [9, с. 107-110]. Одновременно происходил поиск новой формы оплаты труда в колхозах, при которой учитывались не просто затраты труда, а конечные результаты: урожайность сельскохозяйственных культур и продуктивность животноводства, количество произведенной продукции. Правительство в ряде постановлений 1938-1939 гг. рекомендовало колхозам в виде поощрения применять дополнительную оплату труда в отдельных отраслях колхозного производства (в льноводстве, животноводстве и др.) [Там же, с. 40-41, 112-116, 118].

Однако на практике дополнительная оплата применялась не во всех колхозах. Например, в целом по СССР в 1940 г. дополнительная оплата труда членов полеводческих бригад за хорошую работу осуществлялась в 18% колхозов, животноводческих бригад – в 4-5% колхозов [10, с. 115]. В 1945 г. дополнительную оплату труда осуществляли 44,1% колхозов [Там же, с. 387]. На Европейском Севере России удельный вес колхозов, начислявших дополнительную оплату труда, составлял в 1945 г. в Архангельской области 73,2%, в Вологодской – 55,6%, в Коми АССР – 69,6%, в Карело-Финской ССР – 23,7%. Абсолютное большинство колхозов Европейского Севера начисляло дополнительную оплату труда за работу в животноводстве. Например, в 1945 г. в Архангельской области дополнительную оплату труда в животноводстве осуществляли 72,2% колхозов, в полеводстве – 7,2%, в Вологодской области – соответственно 51,7% и 6%, в Коми АССР – 67,4% и 1,6%, в Карело-Финской ССР – 21,4% и 2,4% [5, д. 3481, л. 11, 14]. Следует отметить, что дополнительная оплата труда имела крайне ограниченное распространение. Так, в 1945 г. удельный вес колхозников, получивших дополнительную оплату труда, составил в Архангельской области 7,5% к общему числу колхозников, принимавших участие в работах колхоза, в Вологодской области – 5,3%, в Карельской АССР – 2,2%, в Коми АССР – 3,8% (в среднем по РСФСР этот показатель составлял 3,3%) [Там же, л. 27, 30].

Постановление СМ СССР от 19 апреля 1948 г. «О мерах по улучшению организации, повышению производительности и упорядочению оплаты труда в колхозах» намечало устранение недостатков в организации труда и ликвидацию уравниловки в оплате [13, с. 469-488]. Колхозам рекомендовалось распределять доходы в полеводстве с учетом производственной деятельности звена или бригады, а в животноводстве – с учетом продуктивности скота (надоев молока, настрига шерсти, прироста живого веса и т.п.). Но в послевоенные годы еще не было возможности в полной мере реализовать эти рекомендации. Как показали итоги проверки,

во многих колхозах оплата труда работникам животноводства продолжала производиться поденно или в зависимости от поголовья скота, без учета продуктивности [3, д. 140, л. 317], а многие полеводческие звенья и бригады не сохранялись до конца хозяйственного года.

В РСФСР, по данным годовых отчетов колхозов за 1953 г., дополнительную оплату получили только 7,8% колхозников полеводческих бригад, 1/5 часть чабанского состава овцеводческих ферм и менее 1/3 работников молочно-товарных ферм [5, д. 6526, л. 4]. Всего по республике в указанном году дополнительную оплату начислили в полеводстве 14,8% колхозов, в овощеводстве – 3,1%, в садоводстве – 0,7% и в животноводстве – 84% [Там же, л. 215]. Следует отметить, что установленный порядок дополнительной оплаты приводил к значительной разнице в стоимости трудодня, выработанного в разных отраслях хозяйства и на разных культурах, что вызывало недовольство колхозников, занятых на менее доходных работах. Например, в 1953 г. в колхозе «15 лет Октября» Гжатского района Смоленской области трудодень в льноводстве оценивался в 38,5 руб., в овощеводстве и картофелеводстве – в 0,50 руб., в животноводстве – в 1 руб., по выращиванию зерновых культур – в 0,66 руб. [Там же, л. 5].

Низкая материальная заинтересованность колхозников в развитии колхозного производства осознавалась властью, однако до середины 1950-х гг. не предпринималось эффективных мер по решению данной проблемы. После сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС, в новых экономических условиях (повышение заготовительных и закупочных цен, снижение норм обязательных поставок продукции государству и т.п.) стала вводиться система регулярного денежного авансирования колхозников. Ранее авансирование в колхозах осуществлялось главным образом в натуральной форме, как правило, в период уборочных работ. Денежное авансирование было крайне редким, главным образом за производство технических культур, причем только из средств, полученных колхозами за их реализацию. Во многих колхозах наблюдалось нарушение установленным законом порядка авансирования колхозников продуктами и деньгами. Оно выражалось в том, что правлением колхоза выдавались авансы колхозникам без учета выработки трудодней, как отмечалось в документах, – «по нуждаемости». В результате подобной практики возрастала дебиторская задолженность отдельных колхозников («переавансирование»), в то же время многие члены колхоза, выполнившие установленный минимум трудодней, недополучали продукты и деньги на выработанные трудодни.

После 1953 г. число колхозов, осуществлявших авансирование, быстро росло. Так, если в 1953 г. всего 46,5% колхозов РСФСР производили авансирование колхозников, то в 1954 г. их удельный вес составил 90,3% [2, с. 44]. В колхозах Европейского Севера России к концу 1950-х гг. абсолютное большинство колхозов выдавало денежные авансы практически ежемесячно. Например, в 1958 г. удельный вес таких колхозов составил в Архангельской области 53,7%, в Вологодской – 55%, в Коми АССР – 62,8%, в Карелии – 100% [5, д. 6992, л. 73].

По данным за 1958 г. ежемесячное денежное авансирование применяли 96% колхозов РСФСР. Средства, выданные в порядке аванса, составили 73% к общей сумме денег, определенных к выдаче на трудодни колхозников [Там же, д. 6934, л. 91]. В конце 1950-х гг. отдельные колхозы в поисках новых путей повышения эффективности производства, роста производительности труда стали переходить на гарантированную денежную оплату труда без начисления трудодней. Переход на гарантированную оплату стал возможен после повышения заготовительных цен на колхозную продукцию, что позволяло колхозам гарантировать своим работникам определенный уровень оплаты труда [2, с. 44]. Гарантированный денежный заработок исчислялся по твердым расценкам и нормам, установленным в соответствии со средней выработкой и произведенной продукцией, при этом величина оплаты труда образовывалась не в качестве остатка от денежных и натуральных доходов, а планировалась и утверждалась заранее как обязательная часть производственных расходов колхоза. Однако колхозов, полностью перешедших на такую форму оплаты труда, было еще мало. Так, в конце 1959 г. их удельный вес составил в Архангельской области 15%, в Вологодской – 13% [5, д. 6934, л. 93-94]. В остальных колхозах сохранялась оплата по трудодням в сочетании с авансированием.

В колхозах, перешедших на новую денежную оплату, сохранялись различия в оплате труда по отраслям производства. Например, как видно из Таблицы 1, в колхозе «Красный Октябрь» Вологодского района Вологодской области наиболее высокооплачиваемыми категориями являлись работники строительных бригад (в среднем 665 руб. в месяц), а также работники животноводства, прежде всего доярки (404,5 руб.). Наименьшей оплата труда оставалась у колхозников, занятых в полеводстве (в среднем 104 руб. в месяц). По нашим подсчетам, работник полеводства зарабатывал в месяц в 11 раз меньше председателя колхоза (1144 руб. в месяц), соответственно в 8 раз меньше специалиста сельского хозяйства – агронома или зоотехника (858 руб.), в 6 раз меньше работника строительной бригады, в 4 раза меньше доярки [3, д. 2914, л. 67-68].

Таблица 1. Денежная оплата труда в колхозе «Красный Октябрь» Вологодского района Вологодской области в первом полугодии 1959 г. (в руб.) [3, д. 2914, л. 67]

Категория работников	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	В среднем за первое полугодие
Доярки	206	281	463	487	555	435	404,5
Свинарки	93	192	435	314	495	325	309
Телятницы	110	157	126	145	197	250	164
Чабаны	59	77	165	114	412	329	193
На строительстве	888	668	637	416	504	877	665
Бригадиры комплексной бригады	387	387	387	387	387	387	387
В полеводстве	76	44	87	74	219	123	104

Принципиальные изменения в оплате труда колхозников произошли во второй половине 1960-х гг. Постановление ЦК КПСС и СМ СССР «О повышении материальной заинтересованности колхозников в развитии общественного производства» от 16 мая 1966 г. вводило с 1 июля 1966 г. гарантированную оплату труда колхозников (деньгами и натурой) [11, с. 103-105]. Нормы выработки и размер оплаты устанавливались в соответствии с нормами выработки и тарифными ставками работников совхозов. Расчеты с колхозниками по гарантированной оплате труда должны были производиться деньгами не реже одного раза в месяц и натурой в соответствии со сроками получения продукции. Постановление принципиально изменяло порядок распределения доходов в колхозах. Теперь в первую очередь денежные средства выделялись на оплату труда колхозникам, затем производились расчеты по обязательным платежам государству и взносы в централизованный союзный фонд социального обеспечения колхозников. В Примерном уставе колхоза 1969 г. было впервые зафиксировано право колхозников на гарантированную оплату труда, предусматривались дополнительная оплата труда и другие виды материального стимулирования, особо подчеркивалось, что «основным источником дохода колхозника является общественное хозяйство колхоза» [13, с. 558-576].

Однако не все колхозы смогли в указанные сроки перейти на новую систему оплаты труда. К 1 октября 1966 г. на гарантированную оплату труда перешли лишь 70% колхозов РСФСР [6, д. 642, л. 282], к 1 января 1967 г. соответственно 85,6% [14, д. 1813, л. 205]. Дело в том, что экономически слабые колхозы не могли за счет своих средств одновременно формировать фонды потребления и накопления, а учреждения Госбанка далеко не полностью удовлетворяли заявки колхозов на кредит для обеспечения совхозного уровня гарантированной оплаты труда [12, с. 100]. Более того, Правление Госбанка СССР письмом от 21 сентября 1966 № 09060 без согласия сельскохозяйственных органов ограничило выдачу кредитов колхозам на оплату труда. В докладной записке Министерства сельского хозяйства РСФСР в СМ СССР от 17 ноября 1966 г. отмечалось, что при выполнении этих указаний Госбанка экономически слабые колхозы не могли вести рационально хозяйство и расширять производство. На 1 октября 1966 г. в 1859 колхозах РСФСР просроченная задолженность по оплате труда колхозников составила 33,3 млн руб. [6, д. 642, л. 283].

Во второй половине 1960-х гг. во многих колхозах на общих собраниях принимались решения о материальном поощрении молодежи, оставшейся работать в колхозе после окончания школы или службы в армии. Во многом это была вынужденная мера, так как сельская молодежь не желала оставаться в колхозе, а стремилась переехать на постоянное место жительства в город. Формы поощрения были разными. В ряде колхозов молодым колхозникам в течение первых двух лет работы дополнительно выплачивалось 15% к заработку. Демобилизованные из армии колхозники получали своеобразные «подъемные»: например, единовременное денежное пособие (как правило, в пределах от 50 до 100 руб.), зерно (в пределах 2 ц) [4, д. 132, л. 52-53].

В целом колхозники были довольны переменами в системе оплаты труда: «В последние годы у нас в колхозе стали платить лучше. Все-таки нет-нет, да и подумаешь, как обернется дело осенью? Хуже всего, когда нет уверенности. Теперь разговор другой, введена гарантированная оплата труда...» [14, д. 1813, л. 202]. Но следует отметить, что уровень заработной платы работников сельского хозяйства значительно отставал от уровня заработной платы в промышленности. По официальным данным, в 1970 г. среднемесячная оплата труда рабочих промышленности составила 130,6 руб., а колхозников – 74,9 руб. (57,3% к среднемесячной оплате труда рабочих промышленности) [15, с. 110].

Изменения в системе оплаты труда колхозников происходили на фоне развивающейся профессиональной специализации труда в колхозах в 1950-1960-е гг. [7]. В эти же годы под воздействием государственной политики и идеологии постепенно угасал интерес колхозников к ведению личного приусадебного хозяйства: увеличивалось число бескорневых и даже безземельных хозяйств. Хозяйствование на «своей» земле уже не являлось главным источником существования колхозной семьи, т.к. основным источником поступления денежных средств, а также некоторых продуктов становится работа в колхозе. Так, по данным бюджетных обследований, в 1960 г. личные приусадебные хозяйства давали 45,2% совокупного дохода колхозной семьи Вологодской области. В 1970 г. личное приусадебное хозяйство давало вологодским крестьянам 1/3 совокупного дохода, а в 1980 г. – 1/5 часть [1, с. 53].

Таким образом, к концу 1960-х гг. происходило приближение оплаты труда в колхозах к уровню и формам, сложившимся на государственных, прежде всего сельскохозяйственных, предприятиях. По своему социально-правовому положению колхозник приближался к положению наемного рабочего, оплата труда которого напрямую зависела от квалификации и специализации. В то же время введение гарантированной оплаты труда в колхозном производстве привело и к отрицательным последствиям, так как стали проявляться иждивенческие настроения у некоторых членов колхозов, недобросовестное отношение к работе в расчете на то, что «всё равно заплатят». Сохранялась почва для недовольства колхозников своим материальным и статусным положением, так как уровень заработной платы работников сельского хозяйства значительно отставал от уровня заработной платы в промышленности. Тем не менее изменения в оплате труда членов колхоза являются вполне закономерным и прогрессивным процессом в рамках общего выравнивания социально-правового статуса работников наемного труда в индустриальную эпоху.

Список источников

1. **Бюджет и имущество крестьян Европейского Севера России второй половины XX века:** монография / науч. ред. М. А. Бензин. Вологда: Русь, 2003. 201 с.
2. **Вербницкая О. М.** Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х – начало 60-х годов. М.: Наука, 1992. 224 с.

3. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 1705. Оп. 9.
4. ГАВО. Ф. 1705. Оп. 25.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-310. Оп. 1.
6. ГАРФ. Ф. А-616. Оп. 3.
7. Изюмова Л. В. Трудовые ресурсы колхозов Европейского Севера России в 1930-1960-е годы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 4 (66). Ч. 2. С. 50-54.
8. История колхозного права: сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917-1958: в 2-х т. М.: Госюриздат, 1959. Т. 1. 518 с.
9. История колхозного права: сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917-1958: в 2-х т. М.: Госюриздат, 1959. Т. 2. 539 с.
10. История социалистической экономики СССР: в 7-ми т. / отв. ред. И. А. Гладков. М.: Наука, 1978. Т. 5. 566 с.
11. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898-1971: в 16-ти т. / под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. М.: Политиздат, 1986. Т. 9. 574 с.
12. Науханский В. В. Модернизация сельского хозяйства и российская деревня. 1965-2000 гг. Ростов-на-Дону: РГЭУ «РИНХ», 2003. 199 с.
13. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сборник документов: в 16-ти т. / под общ. ред. К. М. Боголюбова, М. С. Смиртюкова. М.: Политиздат, 1970. Т. 7. 686 с.
14. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7486. Оп. 7.
15. Симуш П. И. Социальный портрет советского крестьянства. М.: Политиздат, 1976. 319 с.

**PAYMENT FOR LABOUR IN COLLECTIVE FARMS
OF NORTHERN EUROPEAN RUSSIA IN THE 1930-1960S**

Izyumova Larisa Vladimirovna, Ph. D. in History, Associate Professor
Vologda State University
ilvvologda05@rambler.ru

The article analyzes the basic changes in the system of payment for labour in the collective farms of Northern European Russia in the 1930-1960s. The source basis of the research includes legislative acts, documentation of the Ministry of Agriculture of the Russian Federation and regional agrarian bodies, collective farms' annual reports. It is shown that the system of payment for labour gradually evolved from equating distribution to the payment depending on profession and qualification of a collective farm member, from non-guaranteed payment for labour to the guaranteed monthly income of a collective farm member.

Key words and phrases: collective farm; collective farm production; collective farm peasantry; workday; payment for labour; remuneration.

УДК 94(470.3)“18/19+271.22-058.1”

Дата поступления рукописи: 04.05.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-6.5>

В статье рассматривается история создания эмеритальных касс для духовенства Центрального Черноземья второй половины XIX века. На основе опубликованных источников и архивных материалов исследуются причины возникновения противоречий среди священно- и церковнослужителей по вопросам открытия и организации эмеритур и анализируются основные подходы, предлагаемые клириками к разрешению споров. Автор приходит к выводу о том, что духовенство затягивало с созданием собственных источников вспомоществования по причине отсутствия достаточных средств и опыта в осуществлении финансовых операций.

Ключевые слова и фразы: Православная церковь; Российская империя; Центральное Черноземье; приходское духовенство; материальное положение духовенства; пенсионное обеспечение.

Иконников Сергей Анатольевич, к.и.н.

Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I
ikonnikovsergey88@mail.ru

**УЧРЕЖДЕНИЕ ЭМЕРИТАЛЬНЫХ КАСС В ЕПАРХИЯХ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА: К ИСТОРИИ ВОПРОСА**

Одним из ключевых вопросов в жизни Русской церкви на протяжении всего синодального периода ее истории являлось материальное положение священно- и церковнослужителей. Православные пастыри, посвящая себя религиозному окормлению прихожан, естественно, нуждались в средствах к существованию. Древние канонические правила предполагали особый источник вознаграждения для духовных лиц. В Библии имеются прямые указания на необходимость оплачивать труд клириков за их служение алтарю.

Священно- и церковнослужители играли важную роль в жизни Российской империи, активно участвуя в общественно-политической жизни страны. Народное образование, просветительская деятельность, борьба